

Надежда ПТУШКИНА

ПИКОВАЯ ДАМА

Инсценировка одноименной повести Александра ПУШКИНА

Пьеса в трёх актах

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица :

Графиня, Анна Федотовна.

Лизавета Ивановна, её воспитанница, семнадцати лет.

Германн

Томский

Нарумов

Белкин

Пушкин

Сильвио

1-ый Гость

2-ой Гость

3-ий Гость

Полина

Сен-Жермен

Герцог Орлеанский

Чаплицкий

Чекалинский

Дама пик

Слуги в доме Нарумова: 1ый Слуга, 2-ой Слуга, 3-ий Слуга

Лакеи в доме Графини: 1-ый Лакей, 2-ой Лакей.

Девушка-горничная

Мамзель

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

“Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра”

А.С. Пушкин “Пиковая дама”

Эта история прежде всего о роке, о предопределенье в судьбе каждого человека; здесь ставится вечный вопрос - в силах ли мы управлять не собственной даже судьбой, а хоть бы и одними страстями своими? Ниспосылается ли нам удача случайно или за заслуги, в которых мы и сами себе не всегда умеем дать отчёт? За что Господь определяет нам самое страшное наказание, потерю разума (“Не дай мне Бог сойти с ума...”) ? Роль карт в этой истории служить некой азбукой судьбы: кто-то едва различает буквы, кто-то видит слоги, иной пытается составить слова и даже фразы... Но найдётся ли такой, кто может написать полностью книгу судеб? Так или иначе, но вся атмосфера этого спектакля связана с картами, и как с игрой, и как с элементом гаданья или проникновения в судьбы. И это не может не отразиться в оформлении спектакля, в частности, на цветовой гамме. Поэтому, я, как автор, впервые подробно касаюсь того, что вроде бы и не должно входить в компетенцию автора. А уже выбор постановщиков - воспользоваться этим или нет.

В оформлении каждого действия присутствуют только три цвета (3 - символическое роковое число для Пушкина в “Пиковой даме”) В первом действии - серебро, зелёный цвет и зеркала... И огонь, который также проходит через весь спектакль. Зелёный - очевидно цвет карточного стола, карточной игры... Серебро - это для лампад. В первом действии это серебряные подсвечники, потому что здесь и сейчас Бог - это карты. Свечи в серебряных подсвечниках - лампы перед картами-иконами. В других действиях серебряными будут именно лампы перед иконостасами, а свечи - без подсвечников. Зеркала здесь, как коридоры в иные миры, отраженье судеб и далее, в том же роде.

Итак, три зеркала в серебряных рамах в одну линию. Изящно сервированный стол - сервиз в салатных тонах и серебряные приборы. Чуть в стороне стол карточный, бледно-зелёного сукна; на нём в беспорядке раскиданы карты и небрежно брошены три военные фуражки. И на том и другом столах серебряные трёхсвечники и подсвечники, сгруппированные по три по определённому принципу симметрии, а именно: трёхсвечник и две свечи на карточном столе; два трёхсвечника и свеча - на сервированном столе; возле двух крайних зеркал - по свече, центральное зеркало - без свечи.

Камин из светло-зелёных изразцов; на нём зелёные же, с серебряным циферблатом и стрелками часы, и возле часов - свеча в серебряном же подсвечнике.

Где-то в тени чёрное фортепьяно, на нём две свечи. (Нечётное число свечей на фортепьяно именно потому, что фортепьяно связано со смертью, с небытием, с изнанкой судьбы)

Широкое окно плотно задёрнуто светло-зелёными портьерами, так что понять, что это именно окно можно только в финале акта, когда портьеры отдёрнут.

На полу - зелёный же персидский ковёр.

Почему я настойчиво предлагаю светлые оттенки зелёного? Потому что при свете свечей, зелёный и так станет выглядеть тёмным, а в финале понадобится эффект утра, рассвета... И впечатление, что всё вокруг внезапно посветлело, а зеркала как бы приглушатся и

“погаснут”, будет кстати.

За сервированным столом четыре офицера в мундирах и шестеро в штатском. Перед каждым - полный прибор. Еда уже на тарелках. Хрустальные с серебром фужеры пока пусты. Рассажены гости следующим образом: лицом к зрителю - Белкин, Томский и Пушкин (Томский в форме офицера). Белкин в довольно поношенном сюртуке, немолод и вида деревенского. Пушкин в сюртуке, но франтом, в привычном для нас по его классическим портретам облике.

С левой стороны стола расположились; 3-ий гость (в офицерском мундире), на дальнем от зрителя краю стола, то есть, ближе к Белкину. Далее, 1-ый гость, флегматичный рассудительный молодой человек в штатском, из простых. И на первом плане - Нарумов, хозяин дома, в офицерском мундире, эффектный мужчина в том возрасте, в каком по понятиям того времени была самая пора жениться.

По правой стороне сидят: у дальнего угла, то есть, ближе к Пушкину, 2-ой гость, в штатском, с довольно глуповатым лицом. Сильвио и Германн (ближе к зрителям, как бы на первом плане. Сейчас Германн в штатском, хоть он и офицер инженерных войск, но в мундире он должен появиться только в финале спектакля).

Отчего именно такой порядок и почему, если офицеров четыре, то на карточном столе фуражек три? Фуражки Томского, 3-го гостя и Сильвио, которые и наденут их, покидая дом. Нарумов у себя дома, его фуражка где-то не на виду, а на своём постоянном месте. Фронтально рассажены как бы свидетели этой истории: прямой свидетель и участник - Томский; рассказчик Белкин (хоть “Пиковая дама” и не из “Повестей Белкина”, но вольность эту я оправдываю тем, что необходимо присутствие как бы реального и заурядного лица и как бы знакомого зрителям, для отражения мистичности всей этой истории; Пушкин же здесь, как аргумент правдивости происходящего, ибо он единственный, лицо реально жившее, но он же и единственный придумщик этой истории; с другой стороны то, что перед нами живой Пушкин, уже само по себе мистика, игра, ирреальность. Эти три персонажа, как бы три зеркала, отражающие эту историю. И пусть трёхсвечники стоят именно против крайних Белкина и Пушкина, а Томский остаётся как бы пустым зеркалом, без свечи. Томский - это только то, что есть, персонаж, за ним нет ни судьбы, ни объёма.

Слева - те, кто выиграла (по повести: налево - выигрыш, направо - проигрыш). Выиграли, разумеется, в более широком смысле, чем нынешняя карточная игра. 3-ий гость молод и красив, и выиграл сегодня очень много. 1-ый гость нынче не играл, что тоже выигрыш для него. Нарумов слегка проигрался, и его выигрыш в этом “слегка”.

Справа: 2-ой гость, проигравшийся нынче крупно и обдумывающий, не застрелиться ли ему вообще; Сильвио (точно сейчас со страниц “Выстрела”) Он нынче выиграл, но в сущности вся жизнь его проиграна, он как бы символ проигранной жизни, вида он равнодушного и невозмутимого. И, ближе к зрителям - Германн, не игравший, то есть отстраняющий свой шанс на выигрыш.

Таким образом, акценты для зрителей на Томском, Нарумове и Германне. Одинокая свеча стоит перед Германном, чтобы зрители всегда могли его хорошо видеть. Трёхсвечники же (что перед Белкиным и Пушкиным) стоят на том краю стола, что ближе к зрителям. Таким образом явственнее освещены Томский, Нарумов и Германн особенно. Прочие различимы смутно. Пламя свечей колеблется, и смутно всё; от серебра, отражённого в зеркалах особое мерцанье- ассоциации и с позументами гроба, и с венчальными кольцами, и с крестильными крестиками...

Начало - картинка недвижима. Немая сцена, абсолютная тишина.

Часы на камине бьют пять раз.

Всё оживает с последним ударом.

Все как бы не начинают что-то делать, а продолжают, как после игры в замри. Степенно

ест Белкин, с большим аппетитом, Томский, вяло ковыряется в тарелке Пушкин. С необыкновенным зверским воодушевлением, поглощает пищу 3-ий гость. С толком, с расстановкой ест 1-ый. Умеренно, как и подобает хозяину, отвеживает Нарумов. Сильвио сидит вольно и грызёт яблоко. 2-ой гость мрачно уставился в тарелку и едва ли вообще видит еду. Германн ест основательно, но не жадно, обыденно. То есть, нет аппетита у проигравших, а у неигравших или выигравших аппетит есть, но разный. Три слуги в зелёных ливреях прислуживают.

ПУШКИН. (Томскому, чуть небрежно, между делом) Если вы не против, рассчитаемся позже... Я сочту прежнее и верну вместе...

ТОМСКИЙ. (Искренне) Пустяки... не беспокойтесь.

НАРУМОВ. (Легко) А вы, Сильвио, изволите получить?

СИЛЬВИО. (Небрежно) Как вам угодно.

Нарумов протягивает ему через стол купюру, Сильвио принимает. Всё это мимолётно.

2-ой Гость. (Машинально отслеживает передачу купюры по диагонали стола, мимо него и, внезапно, словно выйдя из небытия, сильно вздрагивает, потерянно оглядывает всех, будто не может вспомнить, кому проиграл, дрожащим голосом, безадресно) И вы извольте получить...

3-ий Гость. (Буквально подскакивает от восторга) Сделайте одолжение!

2-ой Гость извлекает из всех карманов пачку купюр и выкладывает на стол, глядит на них, словно прощается и, не считая, продвигает к 3-ему Гостю. Тот, едва сдерживая возбуждение и блюдя приличия, спешно распахивает их по своим карманам. Нечаянно прихватывает ложку и тоже пытается запихнуть в карман.

1-ый Гость. (Забирая у 3-го Гостя ложку и возвращая на место, с укоризной и сочувствием 2-му Гостю) Что ж, изволили всё-таки своё имение проиграть... урезонивал я вас, но впали в такой азарт... и рисковали... поразительно, как всё это на вас непохоже...

3-й Гость (Бестактно, но без умысла) В игре удачлив тот, кто рискует! (Жизнерадостно добавляет) И в жизни тоже!!!

СИЛЬВИО. (Не без иронии, но как-то мимолётно) Вы так думаете?

НАРУМОВ. (Деликатно) А я, господа, полагаю, что жребий всякого уже на небесах определён.

1-ый Гость. Это по мусульманским понятиям.

НАРУМОВ. Не скажите! Многие и христиане в это верят!

БЕЛКИН. (Подумав) Господин Нарумов, так вы считаете, что судьба любого predetermined?

Молчание.

ПУШКИН. (Буднично, ему разговор скучен) А вы-то для чего, господин Белкин, просидели ночь возле карточного стола, если карт в руки брать и не собирались? Или вы в душе игрок?

БЕЛКИН. (Серьёзно) Игра нисколько меня не занимает. Я слежу не за картами, а... за судьбами. Я трижды угадал, какая выйдет карта.

ПУШКИН. (Вскакивает, подходит к карточному столу, прихватывает колоду, возвращается, тасует колоду и обращается к Белкину не без вызова) Сможете угадать... четвёртую карту?

БЕЛКИН. (Подумав, неуверенно) Дама пик.

Пушкин снимает и показывает всем первую карту.

ТОМСКИЙ. Тройка.

Внимание всех обращается на Пушкина и Белкина. Только 2-ой Гость и Германн индифферентны. Пушкин открывает вторую карту.

НАРУМОВ. (Слегка привстав, чтоб лучше видеть, смеясь) Семёрка.

Пушкин открывает третью карту.

1-ый Гость. Туз.

Пушкин показывает четвертую карту. 2-ой гость всё так же не реагирует, но Германн поднимает свечу, чтоб лучше разглядеть.

ГЕРМАНН. Дама пик!

СИЛЬВИО. (Резко) Браво, Белкин!

3-ий Гость. (С восторгом) Браво! Браво! Язык пересох.

НАРУМОВ. (Сразу же 1-му Слуге) Подавай шампанское!

1-ый ГОСТЬ. Страсбургский паштет отменный!

1-ый СЛУГА вносит серебряное ведёрко, ставит посреди стола, достаёт бутылку шампанского и распечатывает. 2-ой Слуга тут же уносит пустое ведёрко и возвращается со следующей бутылкой снова в таком же ведёрке. Нарумов берёт у 1-го Слуги открытое шампанское и сам разливает по бокалам. Томский берёт другую бутылку и разливает остальным гостям.

ГЕРМАНН. (Томскому) Благодарю. Я, как обычно, лимонад.

Томский смеётся и всё же наливает и в его бокал.

1-ый СЛУГА, по знаку Нарумова, уносит серебряное ведёрко. 2-ой СЛУГА уносит обе опустошённые бутылки.

ТОМСКИЙ. (Стоя) Предлагаю, господа, выпить шампанского за судьбу!

3-ий ГОСТЬ. (Вскакивает) Да! За удачу, господа!!!

Выпивают.

Возвращаются 1-ый и 2-ой слуги с двумя серебряными ведёрками и ставят на стол. 3-ий СЛУГА тут же начинает откупоривать очередную бутылку.

2-ой ГОСТЬ, словно опомнившись, принимается за еду.

1-ый и 2-ой слуги вышколено прислуживают.

Нарумов берёт у 3-го Слуги следующую бутылку и разливает.

3-ий ГОСТЬ. (Нарумову) Господин Нарумов, вы как хозяин... почему без тостов пьём?

НАРУМОВ. Желает кто-то произнести тост, господа?

3-ий ГОСТЬ. Пусть Пушкин! Он - поэт, всё-таки! (Пушкину) Вы, ведь, кажется, поэт? Или я путаю?

ПУШКИН. (Игнорируя 3-го Гостя, вскакивает, смеясь) За Томского! Чтобы он женился на Полине!

ТОМСКИЙ. (С деланным смущением) Право, Александр...

3-ий ГОСТЬ. (Уже пьян и хохочет) Браво! Поль и Полина! Браво!

НАРУМОВ. За Поля Томского и прекрасную Полину!

3-ий ГОСТЬ. Поль и Полина! Поль и Полина... (помирает со смеху...)

БЕЛКИН. (Задумчиво) Поль... и Полина...

ПУШКИН. (Иронически, себе под нос) Полина и Поль...

И тут, как это бывает, вдруг необъяснимо все смолкают.

Возникает тихо-тихо мелодия. Это может быть Глюк, может быть из “Ифигении в Авлиде”. Возможна, и другая мелодия с таким же многообразием оттенков, настроений, трагизма и лёгкости, но выбрана должна быть единственная мелодия на всю историю и не стилизованная, а подлинная мелодия кого-то из гениев-немцев восемнадцатого века. В дальнейшем, я так и буду называть эту музыку просто Мелодией.

Мелодия звучит как бы инфернально, вроде её никто не слышит, но вдруг Германн бессознательно начинает подстукивать пальцами по бокалу в такт. За ним - Пушкин...

НАРУМОВ. (С единственно й целью возобновить разговор) Кто в душе настоящий игрок, так вот это Германн. (Указывает на Германна)

2-ой ГОСТЬ. (С завистью, но и презрением) Да он никогда карт в руки не брал!

ТОМСКИЙ. (Смеясь) А ведь целые ночи просиживает за карточным столом! Словно в лихорадке!

БЕЛКИН. (Трезво) Следит за каждым оборотом игры... или судьбы...

1-ый ГОСТЬ. (Добродушно) Весь трепещет.

НАРУМОВ. Да, Германн настоящий игрок. В душе.

2-ой ГОСТЬ. (С откровенным презрением) Добро бы средств не имел, а ведь есть капиталец!

ГЕРМАНН. (Не задетый) Мой капиталец слишком мал.

ТОМСКИЙ. (Дразня, кидает перед Германном колоду карт) Может, разрешишься от долгого поста?

НАРУМОВ. (В шутку подстрекая) Новичкам везёт! (Откупоривает сам очередную бутылку шампанского, да так, что пробка летит в потолок)

2-ой ГОСТЬ. (Тоже довольно уже пьян) Bravo, Нарумов! (Подставляет свой бокал)

НАРУМОВ. (Всем разливает шампанское и подымает свой бокал) За выигрыш Германна! За его удачу! За его судьбу!

1-ый ГОСТЬ. Да не подзадоривайте вы его, всё равно он карт в руки не возьмёт!

2-ой ГОСТЬ. (Совсем пьян) Он же сын обрусевшего немца! Уж он-то своего капиталца не коснётся!

1-ый ГОСТЬ. Да, немцы умеют владеть своими страстями.

ГЕРМАНН. (Вяло) Игра занимает меня сильно. Но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

2-ой ГОСТЬ. (Почти с ненавистью) И пьёт только лимонад! Обратите внимание- только один Германн трезв всегда! Это странно, господа, согласитесь! (С вызовом) Мне это не нравится!

Все со своими бокалами в замешательстве. 3-ий Гость проворно подбегает к фортепьяно, подымает крышку и пытается подобрать ту самую мелодию, что тихо так и звучала, не переставая. 3-ий Слуга относит бокал 3-го Гостя туда же и ставит на фортепьяно.

Часы бьют один раз. (Половина шестого.)

ТОМСКИЙ. (Примиряюще) Германн немец. Он расчётлив, вот и всё. А, если кто для меня странен, так это моя бабушка, графиня Анна Федотовна!

3-ий ГОСТЬ. (Не прекращая музицировать, Томскому) Как?

ТОМСКИЙ. Не могу понять! Отчего моя бабушка не понтирует?

3-ий ГОСТЬ. (С хохотом, оттуда же, играя громче) Что?

НАРУМОВ. (Довольный, что замчалось неловкое положение) Да что ж тут удивительного, что осемидесятилетняя старуха не понтирует?

ТОМСКИЙ. Так вы ничего про неё не знаете?

БЕЛКИН. (С подлинным интересом) Нет!

НАРУМОВ. (Светски) Право, ничего.

ТОМСКИЙ. (Подымает бокал) Тогда, тост за мою бабушку, Анну Федотовну! (Выпивает и бокал об пол)

Все повторяют за ним весело (кроме Германна, который не пьёт вовсе) и садятся.

ТОМСКИЙ. Надобно знать, что бабушка моя, лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде.

3-ий Гость наконец-то заиграл верно и негромко.

ТОМСКИЙ. Народ бегал за нею, чтоб увидеть московскую Венеру. В то время дамы играли в фараон. Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много.

Германн нечаянно зевает.

2-ой ГОСТЬ. (Оскорблённо) Немец-то спит!

Все смотрят на Германна. Германн встряхивается и садится подчёркнуто прямо.

НАРУМОВ. (Вскользь 1-му Слуге) Кофию - ему!

1-ый Слуга выходит, прихватив пустые ведёрки. За ним выходит и 2-ой Слуга с пустыми бутылками.

НАРУМОВ. (Томскому) Извините! Продолжайте!

Томский пытается вспомнить, на чём он кончил.

БЕЛКИН. Извольте же продолжить, господин Томский!

1-ый ГОСТЬ. Необычайно интересно!

ТОМСКИЙ. Ах, да... Приехав домой, бабушка, отклеивая мушки с лица и, отвязывая фижмы, объявила дедушке о своём проигрыше и приказала заплатить.

1-ый Слуга ставит перед Германном чашечку кофе. Германн неохотно делает глоток.

ТОМСКИЙ. (После небольшой паузы) Покойный дедушка был род бабушкиного дворецкого. Он её боялся, как огня. Однако, услышав о таком ужасном проигрыше, он вышел из себя, принёс счёты, доказал ей, что в полгода они издержали полмиллиона, что под Парижем нет у них ни Подмосковной, ни Саратовского имения, и начисто отказался от платежа.

Голова Германна падает на грудь, он задремал.

Томский умолкает и глядит на Германна. И все глядят. 3-ий Гость всё играет на фортепьяно.

ТОМСКИЙ. (Решает продолжить) Бабушка дала ему пощёчину и легла спать одна, в знак своей немилости.

Храп Германна вынуждает Томского прервать рассказ. 3-ий Гость прерывает игру.

Внезапно Сильвио выхватывает пистолет и стреляет в среднее зеркало. Звон осколков. Все вскрикивают. Германн вздрагивает и озирается.

НАРУМОВ. (Спокойно) Сильвио, ты чего?

СИЛЬВИО. (Спокойно) Муха.

НАРУМОВ. Ты, как напьёшься, так и начинаешь садить пули в мух.

1-ый и 2-ой Слуги поспешно прибирают стекло.

Германн встаёт со стула, отходит к карточному столу и с недоумением вглядывается в зеркало. Он явно в полудрёме.

НАРУМОВ. (Невозмутимо, Томскому) Извините! Извольте продолжать! Простите, господа!

1-ый ГОСТЬ. (Сильно заинтригован) Да уж, извольте, извольте...

Все садятся. Только Германн остаётся всё так же опершись на карточный стол и уставясь на зеркало.

ТОМСКИЙ. На другой день она велела позвать мужа, надеясь, что домашнее наказание подействовало. Но... нашла его непоколебимым.

3-ий Гость прекращает играть, допивает своё шампанское, возвращается к столу, плюхается на место Германна и выпивает его кофе.

ТОМСКИЙ. В первый раз в жизни она дошла с ним до рассуждений, снисходительно доказывая, что долг долгу розь и что есть разница между принцем и каретником...

И тут из-под клавишей раскрытого фортепьяно полилась чистейшая Мелодия. Однако никто из присутствующих словно бы её не услышал. Только Германн изумлён, делает шаг к фортепьяно и застывает.

Из левого зеркала выступает ослепительной красоты юная графиня в белом платье и в простой причёске, убранной цветами. Но есть в ней что-то неживое, механическое, словно она совершенная кукла. Видит её один Германн, и не может отвести глаз, словно загнипнотизированный. Графиня улыбается и кивает Герману. Она нежно шевелит губами и ритмично раскачивается. (Это шевеление губами и ритмичное покачивание как бы рефрен; повторится, но уже в чудовищном виде в предсмертной сцене Графини) Германн недвижим. Едва ли он слышит и Томского.

ТОМСКИЙ. Куда?! Дедушка бунтовал! Нет, да и только! Бабушка не знала, что делать...
2-ой ГОСТЬ. (Зло) А немчура всё равно спит!

Гости оглядываются на Германна.

В правом зеркале появляется Тень кого-то в старинного рода домашней простой одежде.

ГРАФИНЯ. (В пространство, с презрением) *Rayez, monsieur... Je ne veux pas parler avec vous... Je ne veux rien vous expliquer... Je vous meprise... Comment osez - vous revoltez...* (1 - начинается нумерация перевода французских фраз; перевод в конце пьесы)

ТОМСКИЙ. (Продолжает свой рассказ и говорит он одновременно с графиней, словно они в разных измерениях) С бабушкой был коротко знаком человек очень замечательный. Все слышали о графе Сен-Жермене?

НАРУМОВ. О нём рассказывают много чудесного!

1-ый ГОСТЬ. Он выдавал себя за Вечного Жида, за изобретателя жизненного эликсира и философского камня, и прочая... (Смеётся добродушно)

БЕЛКИН. (Согласен с 1-ым Гостем) Над ним смеялись, как над шарлатаном.

ПУШКИН. (Буднично, просто поясняет) Казанова в своих записках говорит, что он был шпион.

ТОМСКИЙ. Бабушка до сих пор любит его без памяти и сердится, если говорят о нём с неуважением.

ГРАФИНЯ. *Homme de rien que vous êtes... Vous me poussez à l'extreme et j'y recourrai...* (2)

ТОМСКИЙ. (Всё так же одновременно с Графиней) Бабушка знала, что Сен-Жермен мог располагать большими деньгами.

Графиня смолкает.

ТОМСКИЙ. Она написала ему записку.

Задумывается. Раскуривает трубку. Гости утомлены, притихли и молчат. Пауза.

Из правого зеркала выступает Сен-Жермен. Он в старинном, шитом золотом камзоле с широкими полами, с кружевами на обшлагах, в белых блестящих бриджах, в туфлях с драгоценными камнями, в парике с косой, уложенной в сетку.

Важно, что и Графиня, и Сен-Жермен совершенно в иной цветовой гамме, в иной пластике и сильно выбиваются из общего тона. Но Сен-Жермен не должен быть похож, подобно Графине, на механическую игрушку, он должен быть подчёркнуто архаичен в своём облике, и в этой архаике масштаб минувших веков, флёр этого масштаба.

Сен-Жермен отталкивает Тень, чтоб пойти. Тень подаётся вперёд. И видно, что это скелет. Скелет падает и со стуком рассыпается. Сен-Жермен поддаёт туфлём череп, переступает через остальное и протягивает Графине руки в перстнях. Вид его важен, в лице и ум, и страсть, подлинные, живые и пылкие.

ТОМСКИЙ. (Курит) Старый чудака явился тотчас же!

Графиня берёт от зеркала свечу и освещает Сен-Жермена.

ТОМСКИЙ. Он сказал, я могу вам услужить этой суммой.

Сен-Жермен задувает свечу, обнимает Графиню.

ТОМСКИЙ. Но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь.

Одно умелое движение, и платье её падает к их ногам. Сен-Жермен подхватывает Графиню, страстно прижимает к себе...

ТОМСКИЙ. Есть другое средство. Извольте меня выслушать...

... и уносит через правое зеркало, задув по пути вторую свечу.

СЕН-ЖЕРМЕН. (На ходу) *Je vous aime, je vous adore. Que Vous êtes belle, que vous êtes jolie... Ma bienaimée!* (Слова безумной страсти, любви и обожания; артисту, исполняющему эту роль лучше не знать дословного перевода, а дать волю собственной фантазии)

Следят за этим лишь Германн и Пушкин.

ТОМСКИЙ. Тут он открыл ей тайну, за которую всякий из нас дорого бы дал.

Мелодия та же, но уже поёт страстный женский голос.

Пушкин глядит на Германна. Германн дремлет, опершись на фортепьяно. От Германна тут должно быть как бы впечатление раздвоенности: для всех он просто спит, но сам он как бы перенесён в мир Графини и Сен-Жермена, но и в их мире невидим, как и они невидимы для здешнего мира.

Поющий женский голос смолкает на очень высокой и страстной ноте.

2-ой ГОСТЬ. А немец-то спит и спит! Шампанского!!!

1-ый ГОСТЬ. Однако же, довольно на сегодня, господа!

БЕЛКИН. Так, а что же далее-то?

НАРУМОВ. Все заинтригованы, Поль!

ТОМСКИЙ. В тот же самый вечер бабушка явилась в Версале.

Ярко выхватываются я светом зеркала в серебряных рамах, и вообще свет на серебро.

ТОМСКИЙ... на карточную игру у королевы. Герцог Орлеанский метал. Бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, в оправдание сплела маленькую историю и стала против него понтировать.

Из левого зеркала выходит герцог Орлеанский и направляется к карточному столу, по пути прихватив с сервированного стола трёхсвечник, что стоял против Белкина, и переставляет его на карточный стол. Из правого зеркала является Графиня, теперь в старинном платье гранатового цвета, в высоком парике и с мушками на лице. Поначалу она не должна быть прицельно освещена, облик её должен чуть теряться. Также направляется к карточному столу, прихватив трёхсвечник, что против Пушкина. Встаёт против герцога, высоко держа трёхсвечник. Затем ставит трёхсвечник, всё не сводя взгляда с герцога, берёт колоду, вытаскивает не глядя на колоду, карту и кладёт на сукно лицом вниз. Берёт мел и пишет на сукне, глядит всегда только на герцога. Герцог подымает трёхсвечник и следит за мелом в её руке.

ГЕРЦОГ. (Изумлён) *Quelle somme!!! Je ne vois pas...* (3)

Графиня молчит.

Они впервые заговорили, и хорошо бы голоса звучали как-то особенно; искусственно, inferнально, вычурно... как угодно, но только не натурально.

ГЕРЦОГ. *Vous ne vous trompez pas?! Personne ne pusait ainsi!!!* (4)

Графиня не отвечает. Герцог ставит трёхсвечник, берёт другую колоду и начинает метать; раскладывает карты лицом вверх в две стопки - направо и налево поочередно. Очередная карта выпадает направо...

ГРАФИНЯ. *Stop!* (Показывает свою карту) *Gagné!* (Быстро просмотрев свою колоду, тут же ставит другую карту) (5)

Герцог собирает свою колоду... Карту направо, налево...

ГРАФИНЯ. *Stop!* (Показывает свою карту) (6)

ГЕРЦОГ. *J'ai couché votre carte! Соник!* (7)

Графиня отыскивает в своей колоде третью карту и выкладывает.

Герцог также направо, налево...

ГРАФИНЯ. *Stop! Encore - соник!* (Задует свечи на своём трёхсвечнике)
(8)

ТОМСКИЙ. Бабушка отыгралась невероятно быстро!

Герцог задует свечи на своём трёхсвечнике.

ГЕРЦОГ. (Бормочет)... *à droite, à gauche...* (перевод: направо... налево...)

2-ой ГОСТЬ. (Трезво) Случай!

Герцог, как сомнамбула, приближается к карточному столу, но, словно порывом ветра взмётывает карты, и они разлетаются. Германн бредёт к сервировочному столу, останавливается против Томского и в упор глядит на него, едва ли что-то соображая. Часы бьют шесть раз.

К этому моменту Герцог и Графиня должны исчезнуть незаметно для зрителей.

НАРУМОВ. Как? У тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у неё её кабалистики?

ТОМСКИЙ. Чёрта с два! У неё было четверо сыновей, в том числе и мой отец. Все отчаянные игроки! И ни одному не открыла своей тайны! Хотя это было бы не худо для них!

НАРУМОВ. И даже для тебя! (Смеётся)

ГЕРМАНН. Сказка!

ТОМСКИЙ. (Мельком про Германна) Проснулся. Но вот что мне рассказывал дядя, граф Иван Ильич, и в чём он меня уверял честию. Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы... (Пауза, слегка задумывается)... в молодости своей проиграл...

Германн один резко оборачивается к карточному столу... Подле стола в сумерках Графиня, в том же платье, в том же парике и с мушками...

Голос Томского едва доносится до Германна.

ТОМСКИЙ. В отчаяние... строга к шалостям молодых... сжалилась...

Голос Томского забывает всё та же мелодия, снова, словно бы оживающая..

Из-за портьеры возникает молодой Чаплицкий и кидается в ноги Графине. Графиня стоит чуть отвернувшись, но теперь в ней произошла существенная перемена, это очевидно уже живая женщина. Чаплицкий целует её туфли, ноги, подымает край платья, целует выше, обнимает... целует плечи, грудь, лицо... Графиня отдаётся его объятьям...

Всё видит один Германн.

С силой звучит та же страстная песнь, что и при Сен-Жермене. И обрывается. Чаплицкий удаляется в левое зеркало. Графиня остаётся и, отвернувшись, перебирает несколько оставшихся на столе карт.

ТОМСКИЙ. Она дала ему три карты с тем, чтоб он поставил их одну за другою и взяла с него честное слово впредь уж никогда не играть. Чаплицкий отыгрался и остался ещё в выигрыше...

Германн залпом выпивает свой бокал шампанского...

ГЕРМАНН. Три карты...

Графиня подходит и касается рукой плеча Германна. Германн оглядывается на жест, отшатывается и вскрикивает с ужасом.

ГЕРМАНН. Старуха!

И действительно сейчас стало видно, что Графиня очень стара.

ГЕРМАНН. (Хватает её за руки) Откройте мне свою тайну! Назначьте мне эти три верные карты! Позвольте мне попробовать своего счастья! Милости, милости прошу!

Графиня высвобождается от его рук и направляется к правому зеркалу.

ГЕРМАНН. (Следует за ней) Я готов сделаться вашим любовником! Вам восемьдесят семь лет! Вы можете умереть через неделю! Через два дня! Времени нет! Откройте мне вашу тайну! Три карты! Три карты! Подарите мне богатство! Богатства! Богатства! Три карты!!!

Графиня исчезает в зеркале. Германн хочет шагнуть за ней, но зеркало разворачивается и оказывается перед Германном чёрной стороной. Германн замирает.

ПУШКИН. Заря занимается!

3-ий Слуга задувает две одиночные свечи на карточном столе. 2-ой Слуга одновременно отдёргивает портьеры. 1-ый Слуга гасит последнюю свечу подле часов. В комнате резко светлеет.

1-ый ГОСТЬ. Пора по домам!

СИЛЬВИО. (Надев фуражку, 1-му Слуге) Крикни карету! (Сделав лёгкий общий поклон, выходит)

1-ый Слуга торопится впереди него.
3-й ГОСТЬ. (Бодро) И немец проснулся! (Смеётся и надевает фуражку)
БЕЛКИН. (Потягивается и встаёт) Однако, пора спать.
НАРУМОВ. (Без выражения) Рассвет.
2-ой ГОСТЬ. (Мрачно) Рассвет.
ТОМСКИЙ. В самом деле, рассвело. (Надевает фуражку)
Германн падает в обморок. Все окружают его.
НАРУМОВ. (2-му Слуге) Беги за доктором!
ПУШКИН. Не стоит беспокойства! Обморок. Анекдот о трёх картах сильно подействовал на его воображение.
БЕЛКИН. Я всегда подозревал, что Германн имеет сильные страсти и огненное воображение.
НАРУМОВ. (2-му Слуге) Воды! (Приподымает Германна и поддерживает его в сидячем положении)
2-ой ГОСТЬ. С чего это с немчурой?
3-ий ГОСТЬ. (Отводит 2-го Гостя в сторону, сообщает секретно) Этот Германн - побочный сын этой старухи-графини... Анны Федотовны... А?
2-ой ГОСТЬ. (Брезгливо) Ерунда! (Отходит от 3-го Гостя)
2-ой Слуга приносит воды. 1-ый Гость брызгает в лицо Германну. Германн открывает глаза, приподымается.
ГЕРМАНН. Где я?
1-ый ГОСТЬ. (Германну) Вы, должно быть, оступились.
3-ий ГОСТЬ. (Жизнерадостно) Так грянулись об пол!
НАРУМОВ. Не анекдот ли подействовал на вас?
1-ый ГОСТЬ. Полно! Можно ли верить анекдотам?
ГЕРМАНН. Нет! Расчёт, умеренность и трудолюбие - вот три мои верные карты, вот что умножит мой капитал!

Опускается занавес, на котором - серый мрачный сырой Петербург. В одном из домов - окно (прорезано в занавесе). Через окно видна Лиза в том же белом платье, что и Графиня в первом своём появлении. (Лизу и юную Графиню всегда должна играть одна актриса) Чуть иная причёска, живость в движении, но сходство броское. Можно догадаться, что Лиза за фортепьяно, хотя полностью её сквозь окно не видно, и подбирает она всю ту же мелодию. В стороне, далеко от окна, стоит Германн, в одном сюртуке, с непокрытой головой и непрерывно смотрит на окно, в котором склонённая над фортепьяно головка Лизы. Лиза поворачивает голову и видит Германна.... Музыка обрывается. Они пристально глядят друг на друга.

К вниманию постановщиков: не хотелось бы в первом действии вообще никакого нагнетания мистицизма. Разговор между гостями самый обыкновенный, бытовой, в духе несправедливо презираемого “соцреализма”... Явление Сен-Жермена, Герцога, молодой графини - это всего лишь сон Германна. И невыгодно слишком рано разоблачать этот сон, как предсказанье судьбы. Пусть мистицизм присутствует в этом действии как бы тенью, вторым планом, лёгким намёком... И лишь самый финал, когда Лиза и Германн глядят друг на друга должен быть очень многозначителен.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Тот же занавес с Петербургом, но уже с белым, заснеженным; то же окно, но на нём портьера, расцветки в стиле и характере “рубашки” игральной карты, красного оттенка. Эта часть второго действия в чёрно-бело-серых тонах с некоторыми выпадающими из общего тона деталями.

Мягко падает снег.

Германн на том же месте, но теперь в бобровой шубе и шляпе. Он непрерывно глядит на окно.

Портьера чуть отодвигается; заметна в окне Лиза в шляпке и капоте, она видит Германна, у неё вырывается короткий смешок (ей нравится, что он стоит, и её смешок - шалость, совершенно невинная, без кокетства и поощрения). И тут же она скрывается за портьерой. Два растолстевших вальяжных лакея ведут под руки укутанную в соболью шубу, Графиню. Позади Лиза в тоненьком капоте и шляпе.

ГРАФИНЯ. (Надтреснутым голосом, раздражённо) Да заложена ли карета?

ЛИЗА. (Кротко) Карета давно подана.

ГРАФИНЯ. (Останавливается и долго разглядывает Лизу, кивая с осуждением) Что за наряды на тебе? Зачем это? Кого прельщать? А какова погода? Ветер?

1-ый ЛАКЕЙ. Никак нет-с...

2-ой ЛАКЕЙ. Очень тихо-с...

ГРАФИНЯ. Вы всегда говорите наобум! Ветер! И прехолодный! Отложить карету! Мы не поедem никуда, Лизанька, нечего было и наряжаться!

Графиню не без усилий разворачивают и ведут обратно. Лиза снова оказывается позади Графини. Она оглядывается мельком, из любопытства увидеть вблизи, на Германна.

Графиню уже почти увели из поля зрения. Германн тут же подбегает к Лизе и хватает её за руку. Лиза слегка вскрикивает.

германн. Письмо! (И так же быстро уходит).

Лиза обнаруживает у себя в руке сложенный лист бумаги и проворно прячет его за рукав. И вовремя, потому что Графиня оборачивается к ней и успевает заметить уходящего прочь Германна.

ГРАФИНЯ. Кто это с нами встретился?

ЛИЗА. (Рассеянно) Этот мост называется Гороховый, кажется...

ГРАФИНЯ. Что с тобой сделалось, мать моя? Столбняк ли на тебя нашёл, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь? Слава Богу, я не картавлю и из ума ещё не выжила! (Её, по её же знаку, уводят)

Лиза оглядывается по сторонам, поспешно разворачивает листок и читает.

ЛИЗА.... безумно... страстно... с первого взгляда... не мыслю жизни... ваш взгляд... ангел...

ГОЛОС ГРАФИНИ. Где Лиза? Это несносно! Никогда её не докличешься! Вечно надобно её ждать! Куда сейчас запропастилась? Пошлите за ней!

Лиза комкает письмо и хочет выбросить, но передумывает, быстро разглаживает, снова складывает, прячет за рукав и бежит за Графией.

Пусто. Занавес. Снег. Портьера. Сквозь портьеру угадывается, что в доме зажигают огни. Вечереет. Возвращается Германн. Глядит на окно. Кидает в окно снежок.

Портьера тут же отодвигается. Лиза, уже без шляпки, вертит головкой, ищет Германна. Он делает ей знак, привлекает внимание к себе. Лиза бросает в окно запечатанный конверт.

Германн проворно его подымает. Лиза прослеживает, что конверт попал к кому надо и тут же задёргивает портьеру. Германн запрокидывает голову к окну, но там уже никого.

германн. (Отходит в сторону и срывает с конверта печать). Так. Это моё письмо. Я этого и ожидал. А вот и её ответ. “ Я уверена, что вы имеете честные намерения и что вы не хотели оскорбить меня необдуманным поступком; но знакомство наше не должно было

начаться таким образом. Возвращаю вам письмо ваше и надеюсь, что не буду впредь иметь причины жаловаться на незаслуженное неуважение.” Прекрасно! Всё, как ожидал! Интрига начата! (Уходит).

Занавес подымается.

Будуар Графини. Полинялые штофные кресла, диваны с пуховыми подушками симметрично стоят возле стен (расцветки, ассоциирующейся с “рубашкой” карт). Два портрета в полный рост в серебряных рамах - Сен-Жермен и юная Графиня. Между портретами - зеркало, также в серебре. Повсюду, где надо и не надо понатыканы манерные пастухи и пастушки в стиле рококо - приветы Графине из прошлого, из Парижа.

Две ширмы: за одной - спальня Графини; за другой - узкая витая лесенка вверх, в комнату Лизы. У Лизы - простая железная кровать, письменный стол, стул, комод, икона - перед иконой серебряная лампадка. В будуаре - иконостас, в центре - Богоматерь, перед Богоматерью также серебряная лампадка.

Графиня сидит в кресле с высокой спинкой, перед зеркалом, спиной к зрителям. Подле неё девушка с полным ртом шпилек и коробкой румян в руках. Девушка занимается Графиней: подкрашивает, надевает пурпурный высокий чепец с длинными широкими красными лентами (не забывать про ассоциации с карточными “рубашками”).

Лиза, одетая в белое платье, с живыми цветами в волосах сидит на кушетке с пяльцами.

Тема цветовой гаммы всего второго действия: сначала серый и белый - то есть фон, неопределённость; неизвестно, что Судьба начертает на этом сером фоне. А снег, как присутствие чистоты, юности, невинности, начала, невесты...

Далее, в данной картине, серого нет. Тема изнанки карт, краплёных карт. То, что в начале действия заявлено, как деталь (портьера на Лизином окне), уже главенствует. Всё, что окружает Графиню, как бы краплёное, как бы возможное шулерство. А невинна здесь одна Лиза. Её предназначенье - стать невестой. Должно быть ощущение, что судьба её может быть изломана. Основная тема этого действия связана с Графиней, а не с Лизиним романом с Германном, как может показаться с первого взгляда. Поэтому, третий тон - старина, ветхость, ощущение гобелена, призрака Парижа, призрака прошлого века... Графиня сильнее Лизы, за Графиней больше всего стоит. Лиза, как и Томский, в сущности пока ничто, пустота, средство для кого-то сильного.

ТОМСКИЙ. (Входит) Здравствуйте, grande maman, bonjour, mademoiselle Lise! Grande maman, я к вам с просьбою.

ГРАФИНЯ. Что такое, Поль?

ТОМСКИЙ. Позвольте вам представить одного из моих приятелей и привезти его к вам сейчас перед балом?

ГРАФИНЯ. Привези его прямо на бал, и там же и представишь. Был ли ты вчера у Елецких?

ТОМСКИЙ. Как же! Очень было весело! Танцевали до пяти часов утра! Как хороша была Полина!

ГРАФИНЯ. И, мой милый! Что в твоей Полине хорошего? Такова ли была её бабушка, княгиня Дарья Петровна? Кстати, я, чай, она уже очень постарела, княгиня-то Дарья Петровна?

ТОМСКИЙ. (Рассеян, потому что ищет, как бы ему подступиться к Лизе и что-то с ней переговорить по секрету) Как постарела? Она лет семь как умерла.

Лиза делает Томскому отчаянные знаки... (От Графини скрывают смерти её ровесниц) Оба с испугом глядят на Графиню.

ГРАФИНЯ. (Безразлично) Умерла? А я и не знала! Ну, Поль, теперь помоги мне встать! Лизанька, где моя табакерка?

Томский помогает Девушке увести Графиню за ширму в спальню, где девушка продолжает

заниматься её туалетом. Лиза передаёт за ширму табакерку.

ТОМСКИЙ. (Немедленно подсаживается к Лизе, негромко) Я, собственно, к вам.

ЛИЗА. (Вполголоса) Кого это вы хотите представить?

ТОМСКИЙ. Нарумова. Вы его знаете?

ЛИЗА. Нет. Он военный или штатский?

ТОМСКИЙ. Военный.

ЛИЗА. (У неё вырывается нечаянно) Инженер?

ТОМСКИЙ. (Глядит на неё в упор, с любопытством) Нет. (Пауза) Кавалерист. А почему вы думали, что он инженер?

Лиза смеётся, чтобы скрыть смущение и не отвечает.

ГРАФИНЯ. (Из-за ширмы) Лиза, почитай-ка вслух!

Лиза берёт книгу и листает.

ГРАФИНЯ. Чего ты копаешься? Почитай мне какой-нибудь новый роман, но только не из нынешних!

ТОМСКИЙ. Это как же, *grande maman*?

ГРАФИНЯ. Чтобы герой не ненавидел бы ни отца, ни матери, и где никто бы никого не убивал...

ТОМСКИЙ. Таких романов нынче нет!

ГРАФИНЯ. Тогда брось книгу, Лиза! Надоел вздор! От тебя, Лиза, одни глупости!

ЛИЗА. (Томскому с юмором, тихо) И вот вам моя жизнь!

ТОМСКИЙ. Вам не надоело быть домашней мученицей?

ЛИЗА. Я - мученица? (Смеётся)

ТОМСКИЙ. А как же? Разливаете чай и получаете выговор за лишний расход сахара!

Читаете вслух романы и виноваты во всех ошибках автора! Сопровождаете бабушку на прогулках и отвечаете за погоду и за мостовую!

ЛИЗА. (Сдержанно) Я получаю за это жалованье.

ТОМСКИЙ. Которое никогда не доплачивают! А требуют, чтоб одеты вы были, как все... то есть, как очень немногие.

ЛИЗА. У Графини не злая душа.

ТОМСКИЙ. Только всего лишь она своенравна, скупа и эгоистична. Горек чужой хлеб и тяжелы ступени чужого крыльца... (Искренне) Сколько наверно вами слёз-то пролито?

Лиза молчит и снова берёт пяльцы.

ТОМСКИЙ. А ведь вы в сто раз милее многих других невест!

ЛИЗА. Я - бесприданница. А женихи расчётливы.

ТОМСКИЙ. Потерпите... Он уже приближается... (Загадочно) Он уже вот-вот явится, ваш избавитель!

ГРАФИНЯ. (Из-за ширмы) Поль, что ты там делаешь?

ТОМСКИЙ. Я тут с Лизанькой.

ГРАФИНЯ. Должно быть, совсем заскучал? Поди ко мне!

Поль уходит за ширмы к Графине, их не видно. Лиза тут же вскакивает и глядит в окно.

1-ый ЛАКЕЙ. (Входит) Лизавета Ивановна!

Лиза вздрагивает и отскакивает от окна.

1-ый ЛАКЕЙ. К вам мамзель из модной лавки! (Выходит)

ЛИЗА. (Расстроено) Какие-нибудь денежные требования... а жалованье мне опять выдать позабыли...

Входит молоденькая мамзель и подаёт Лизе записку.

ЛИЗА. (Берёт) Счета?

МАМЗЕЛЬ. (Игриво) Вовсе нет, барышня!

ЛИЗА. (Рассматривает сложенное письмо) Вы, душенька, ошиблись, эта записка не ко мне.

МАМЗЕЛЬ. (Смеётся) Нет, точно к вам! Извольте прочитать! Они требуют свидания и

ждут ответа!

ЛИЗА. (Оглянувшись на ширму, открывает записочку) Не может быть! Это писано не ко мне! (Рвёт на мелкие кусочки)

МАМЗЕЛЬ. Если письмо не к вам, зачем же вы его разорвали?

ЛИЗА. Тише!

МАМЗЕЛЬ. (Понятливо понизив голос) Я бы возвратила его тому, кто его послал.

ЛИЗА. Пожалуйста, душенька! (Вытесняет Мамзель из будуара и здесь уже гневно)

Вперёд ко мне записок не носите! А тому, кто вас послал, скажите, что ему должно быть стыдно!

МАМЗЕЛЬ. Напрасно вы, барышня! Не такой он, чтоб отступить.

ТОМСКИЙ. (Выходит) Простите, *grande maman*, я спешу...

Наталкивается на Лизу и Мамзель, оглядывает Мамзель с пикантным мужским интересом.

Мамзель хихикает и вертится.

ЛИЗА. (Ей, ледяным тоном, чем-то она сейчас похожа вдруг на Графиню) Подите прочь, душенька!

Мамзель тут же перестаёт хихикать и ретируется.

ТОМСКИЙ. Извините, если помешал, Лизавета Ивановна!

ЛИЗА. Ничуть. Эти модистки так глупы и надоедливы!

ТОМСКИЙ. Почему же вы думали, что Нарумов - инженер?

Лиза не отвечает.

ТОМСКИЙ. Вы непременно, (многозначительно) непременно должны танцевать мазурку с Нарумовым! Смотрите, Лизавета Ивановна, ничего не напутайте! (Целует ей руку и уходит)

ГОЛОС ГРАФИНИ. Лизанька, Лизанька! Да что это никогда не докличешься?

ЛИЗА. Я здесь. (Возвращается в будуар)

ГРАФИНЯ. Ты одета?

Лиза молчит в рассеянности.

ГРАФИНЯ. (Из-за ширмы) Не одета? Это несосно! Всегда надобно тебя ждать!

Лиза хочет выйти.

ГРАФИНЯ. Да куда же ты бежишь снова?

ЛИЗА. Одеваться.

ГРАФИНЯ. Успеешь, матушка, сиди здесь, вдруг мне понадобится.

Лиза подходит к окну, отодвигает портьеру и понятно, что видит Германна. Она долго-долго смотрит на него.

ЛИЗА. (Тихо, но словно бы надеется, что Германн её услышит.) И вот моя жизнь.

Занавес опускается. Но это уже другой занавес, расписанный картами, словно они в беспорядке разбросаны по нему. Полумрак. Звучит мазурка. На разных краях сцены Германн в сюртуке с письмом в руке и Графиня. Графиня в кресле, разряженная во всё то же гранатовое платье и в парике с живыми розами, словно всё ещё пребывает в восемнадцатом веке. Подле неё два её лакея. Все они неподвижны и безучастны, словно статую. Так и пробудут всю сцену.

ГЕРМАНН. (Сильно взволнован, читает письмо) Сегодня бал у французского посланника.

Графиня там будет. Мы останемся там часов до двух...

Яркий свет. Томский танцует с Лизой.

ТОМСКИЙ. Так отчего же вы решили, что Нарумов из инженерных войск?

ЛИЗА. Эта мазурка бесконечна... Я утомилась... Отведите меня, пожалуйста, к бабушке.

ТОМСКИЙ. Бабушка зачем-то таскается на балы, сидит в углу, раздуманная и одетая по старинной моде, как уродливое и необходимое украшение бальной залы... Возле неё вы будете выглядеть жалкой... Отчего вам не хочется танцевать?

ЛИЗА. Танцую с вами, я играю ещё более жалкую роль...

ТОМСКИЙ. Это отчего же?

ЛИЗА. Вы и не заметили бы меня, и не пригласили бы, если бы не дулись на княжну Полину!

ТОМСКИЙ. А по какой причине мне, как вы выразились, дуться, на Полину?

ЛИЗА. Она, против обыкновения, кокетничает не с вами. И вы, желая оказать равнодушие и отомстить, позвали меня и мучаете бесконечной мазуркой.

ТОМСКИЙ. А вы самолюбивы... Но и я знаю про вас больше, чем вы предполагаете! Например, о вашей страсти к инженерным офицерам!

Лиза смеётся, чтобы скрыть смущение. Они танцуют.

Германн. (Продолжает читать письмо)... останемся часов до двух... Вот вам случай увидеть меня наедине. Как скоро Графиня уедет, её люди, вероятно, разойдутся, в сенях останется швейцар, но и он обыкновенно уходит в свою каморку.

ЛИЗА. (Томскому) От кого вы это всё знаете?

ТОМСКИЙ. От приятеля известной вам особы... Человека очень замечательного.

ЛИЗА. Кто же этот замечательный человек?

ТОМСКИЙ. Его зовут Германном.

Германн. (Читает) Приходите в половине двенадцатого.

ТОМСКИЙ. Что же вы всё время сбиваетесь?

Германн. (Читает) Ступайте прямо на лестницу. Коли найдёте кого в передней, спросите, дома ли Графиня. Вам скажут нет, - и делать нечего. Вы должны будете воротиться.

ТОМСКИЙ. Этот Германн лицо истинно романтическое. У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, на его совести, по крайней мере, три злодеяния! Что же вы остановились?

Но тут музыка умолкает, но Томский и Лиза продолжают стоять и беседовать.

Германн. (Читает) Но, вероятно, вы не встретите никого. Девушки сидят у себя, все в одной комнате.

К Томскому и Лизе подходят Нарумов и Полина.

Нарумов. (Томскому) Вот ты где? А мы с Полиной повсюду ищем тебя.

Полина. (Не глядя на Томского, Лизе) Как вы бледны, Лизавета Ивановна! Что с вами?

Лиза. (Поспешно) У меня голова болит.

ТОМСКИЙ. (Полине) Я замучил её пустой мазурочной болтовнёй.

Полина. (Довольно бесцеремонно берёт Лизу под руку) Я увожу вас от этого болтуна, душенька, Лизавета Ивановна! (Отводит Лизу в сторону) Окажите любезность сопроводить меня в уборную. Мне надо кое что поправить в моём наряде. (Уходят)

Германн. (Читает) Из передней ступайте налево, идите всё прямо до графининой спальни.

Нарумов. (Глядя вслед Лизе) Вот истинное сокровище твоей бабушки! Сокровище подороже секрета трёх карт!

ТОМСКИЙ. Вот восклицание влюблённого! Где ж ты её успел видеть?

Нарумов. В церкви, на гулянье... Несколько раз она мне снилась...

ТОМСКИЙ. (Смеётся) Ты неравнодушен к воспитаннице моей бабушки?

Нарумов. (Серьёзно) Я имею на неё виды. Но вот странность! Мы как-то с Германном говорили об Лизавете Ивановне, и он был недоволен, и всё отговаривал меня. Я полагаю, он сам неравнодушен к Лизавете Ивановне и имеет виды на неё.

ТОМСКИЙ. Германн не женится на бесприданнице!

Нарумов. Он был очень недоволен моим интересом к Лизавете Ивановне.

Германн. (Читает) В спальне, за ширмами увидите две маленькие двери: справа в кабинет, куда Графиня никогда не входит...

ТОМСКИЙ. (Нарумову) Изволь, представлю тебя бабушке. Но она уже давно никого не запоминает. (Подводит Нарумова к Графине.) Grande maman, позвольте представить моего близкого друга, офицера конногвардейских войск, Нарумова?

Нарумов низко и почтительно кланяется.

Графиня величественно и равнодушно кивает и не отвечает ничего. Нарумов ещё раз кланяется, и они отходят.

ГЕРМАНН. (Читает)... в кабинет, куда Графиня никогда не входит. Слева в коридор, и тут же узенькая витая лестница...она ведёт в мою комнату. (Резко разворачивается и уходит)

Возвращаются Полина и Лиза.

ТОМСКИЙ. (Нарумову) А я и не представил тебя Лизавете Ивановне! Мой друг Нарумов, офицер... (лукаво) конногвардейских войск.

Лиза, потупившись, приседает.

ТОМСКИЙ. Но Лизавета Ивановна неизвестно по какой причине отдаёт предпочтение офицерам инженерных войск.

Мазурка.

НАРУМОВ. (Лизе) Окажите мне честь!

ЛИЗА. (Поспешно) Я обещала эту мазурку Полю!

ПОЛИНА. (Бесцеремонно) Вы путаете, Лизавета Ивановна! Поль заранее ангажировал меня на эту мазурку!

ТОМСКИЙ. Это я запутался. Прошу прощения, Лиза. (Уводит Полину)

НАРУМОВ. (Лизе с поклоном) Мне повезло. Вы разрешите?

Но едва он собирается обнять Лизу...

ГРАФИНЯ. (Издали, громко и властно) Лиза! Куда она подевалась? Нам пора! Лиза, нам пора!!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Довольно темно. Графиня сидит в будуаре перед зеркалом. Она - после бала. На ней то же гранатовое платье, что и в сне Германна в первом действии. Тот же высокий пудренный парик, украшенный живыми розами. Она сидит спиной, зеркало темно, и не видно, молода Графиня или стара. Свет от двух простых свечей без подсвечников и от лампадки перед иконостасом. Графиня неподвижна, от свечей - трепещут тени... Сон ли, явь ли?

Лиза в бальном белом платье, с головой убранный розами (такими же, как у Графини), не скинув своего холодного тоненького плаща, сидит в своей комнате, на кровати, скрестив на груди голые руки. И у ней перед иконой лампадка и на столе - простая свеча. Никаких зеркал в её комнате быть не может.

Обе женщины совершенно неподвижны.

Где-то далеко начинают бить часы. Двенадцать раз.

ЛИЗА. (Сразу после двенадцатого удара) Он не пришёл.

Одновременно к Графине входит девушка и начинает ею заниматься: снимает парик, надевает ночной чепец. И сразу Графиня превращается в обыкновенную старуху.

Лиза встаёт на колени перед своей иконкой, глядит на лик, трогательно сложив ладошки перед грудью.

ЛИЗА. (Проникновенно) Господи, прости меня и помилуй! Убереги и сохрани рабу твою от искушения, как отвёл ты нынче от меня соблазн. Благодарю тебя, Господи, что не допустил ты этого свидания, что воспрепятствовал ему прийти!

Девушка помогает Графине подняться с кресла и вынимает из её платья множество булавок, пока платье не падает, наконец, к их ногам.

ЛИЗА. (Всё ещё на коленях, но от молитвы, незаметно для себя, отвлеклась) Как же так? Отчего? Не прошло и трёх недель с той поры, как я в окошке в первый раз увидела молодого человека... (В волнении встаёт и прижимает ладони к щекам)

Когда с Графини падает платье, в тот же миг и Лиза сбрасывает плащ. И как бы обе полубнажены.

Девушка надевает на Графиню просторную белую ночную кофту. Сама девушка в сером, и её присутствия должно быть, как можно меньше. Белого цвета должно постепенно прибавляться.

ЛИЗА. (Продолжает стоять) И я уже с ним в переписке! И он успел вытребовать у меня ночное свидание!

Графиня снова опускается в кресло, жестом отсылает девушку. Девушка задувает свечи и уходит, прихватив платье Графини. Графиня остаётся одна, едва видна при свете только лампадки.

Одновременно и Лиза откидывает покрывало на кровати (постель белая), задувает свечу, но не раздевается, а в задумчивости присаживается на кровать. И здесь освещение только от лампадки.

Царит тишина и недвижимость.

ЛИЗА. Имя его я знаю только потому, что некоторые из его писем были подписаны... Никогда с ним не говорила... И именно нынче впервые услышала о нём на балу... Странно... Всё странно... Суждено ли узнать мне, от чего нынче спас меня Господь? (Задумывается)

ГРАФИНЯ. (В зеркало) Старуха... (Разворачивается сама в кресле.)

Она сидит и беззвучно шевелит губами, но не говорит сама с собой, потому что никакой мысли, никакого чувства в её лице нет. Она раскачивается из стороны в сторону. И это шевеление, и качание, словно бы не зависят от её воли. (Это тот самый рефрен к первому действию, когда молодая прелестная Графиня шевелит губами и раскачивается - у зрителя подсознательно два этих образа сейчас должны слиться)

Один удар часов, и вместе с ударом одним шагом из-за ширмы выступает Германн (всё в том же сюртуке), встаёт против Графини и смотрит на неё.

Графиня смотрит прямо на Германна, но совершенно очевидно, что она не видит его, её сознание неведомо где.

ГЕРМАНН. (Не находя в Графине ни малейшего признака, что она хоть как-то подозревает о его присутствии) Графиня! Анна Федотовна, не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь! В самом Германне нет ничего inferнального или рокового. Скорее, он нелеп в своём позднем визите. Графиня его не видит и не слышит.

ГЕРМАНН. (Предположив, что она глухая, наклоняется к её уху) Я не имею намерения вредить вам. Я пришёл умолять вас об одной милости.

Внезапно и мгновенно всё в Графине меняется. Губы перестают шевелиться, корпус не раскачивается. Она видит - перед ней мужчина.

ГРАФИНЯ. Bonjour, Чаплицкий! (Протягивает руку для поцелуя со снисходительным смешком)

ГЕРМАНН. (Целует ей руку) Вы можете составить счастье моей жизни. И оно ничего не будет вам стоить.

Графиня тихонечко, кокетливо смеётся; она запомнила, что уже стара.

ГЕРМАНН. (Покрывает поцелуями её руки) Я знаю, что вы можете угадать три карты сряду.

Графиня отнимает руки, пристально смотрит в лицо Германну.

ГРАФИНЯ. Не Чаплицкий? (Светски улыбается и кивает Германну) Это была шутка. (Кокетливо) Клянусь вам! Это была шутка!

ГЕРМАНН. (Выпрямляется) Этим нечего шутить! (Раздражённо) Вы помогли Чаплицкому отыграться!

Графиня опускает голову и, словно бы забывает о Германне. Где-то далеко-далеко, будто в её мозгу, зазвучала Мелодия.

ГЕРМАНН. Можете ли вы назначить и мне эти три верные карты?

Графиня сидит всё так же. Мелодия звучит.

ЛИЗА. (Всё в той же позе, у себя) Мне страшно... Я ожидаю злодейства...

ГЕРМАНН. Для кого вам беречь вашу тайну? Для внуков? Они богаты и без того! Они же не знают цены деньгам! Они умрут в нищете! Демонские усилия и то не помогут им!

Сен-Жермен бесшумно выступает из своего портрета, стоит и глядит на Германна и Графиню.

ГЕРМАНН. (Не видит Сен-Жермена) Я не мот! Для меня ваши три карты не пропадут! Ну!!!

ЛИЗА. (У себя) Злодейство... О, как я боюсь...

ГЕРМАНН. (Встаёт перед Графиней на колени) Если когда-нибудь сердце ваше знало чувство любви, если вы помните её восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорождённого сына...

Графиня чуть наклоняется к Германну и всматривается в него)

ГЕРМАНН....Если что-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери,- всем, что ни есть святого в жизни, - не откажите мне в моей просьбе! Откройте мне вашу тайну! Что вам в ней?

ГРАФИНЯ. (С тревогой) Qui êtes -vous? (9)

ГЕРМАНН. Может быть, она сопряжена с ужасным грехом, с пагубою вечного блаженства, с дьявольским договором... Подумайте, вы стары; жить вам уже недолго - я готов взять грех ваш на свою душу. Откройте мне только вашу тайну! Подумайте, что счастье человека находится в ваших руках... что не только я, но дети мои, внуки и правнуки благословят вашу память и будут её чтить, как святыню...

Графиня не отвечает ни слова. Мелодия нарастает.

ГЕРМАНН. (Резко встаёт с колен) Старая ведьма! Так я ж заставлю тебя отвечать! (Вынимает из кармана пистолет и наставляет на Графиню)

И тут Графиня видит Сен-Жермена. И он протягивает ей руки в перстнях. Графиня смеётся, протягивает руки к Сен-Жермену... Мелодия затухает и обрывается навсегда. Часы бьют два раза. Со вторым ударом, Графиня роняет голову на грудь и становится недвижимой.

Лиза падает на колени перед иконой и беззвучно, но страстно молится, шевеля губами и раскачиваясь. (Третий рефрен: должно быть ощущение родственности между Графиней и Лизой, одна кровь, кровосмешительство, если Германн, действительно, побочный сын Графини - это ощущение - одна из загадок: что за роковой грех в Графине, который успел вымолить на себя Германн; пал ли на него этот грех?)

ГЕРМАНН. (Берёт руку Графини, с раздражением) Перестаньте ребячиться! Спрашиваю в последний раз, хотите ли назначить мне ваши три карты? Да или нет?

Челец падает с головы Графини и обнажается голый череп. И видно, что она мертва.

Германн оглядывается и видит Сен-Жермена, который отвешивает ему самый почтительный, хотя и не без лёгкой иронии, поклон. Германн вскрикивает, подымает руку для крестного знамения, оборачивается к иконе и видит, что вместо Богоматери - Дама пик... Лампадка гаснет. Германн стремительно бросается из будуара.

Где-то вблизи за окнами вдруг разражается метель. Сильно завывает ветер.

Лиза, всё ещё в бальном платье и с головой убранный розами, подобрала ноги на кровать, прислонилась к стене и задремала. Трижды бьют часы.

С третьим ударом внезапно перед ней возникает Германн. Лиза сразу чувствует, открывает глаза, сильно вздрагивает и смотрит на него.

Германн молчит.

ЛИЗА. (Голос её дрожит) Как вы бледны?

Германн не отвечает. Пауза.

ЛИЗА. (Перебирается на край постели и свешивает ноги, машинально начинает убирать с головы цветы) Где же вы были?

Германн. У старой графини. Я сейчас от неё. Графиня умерла.

ЛИЗА. (Вскакивает) Боже мой! (Подходит близко к Германну) Что вы говорите?

Германн. Я причиною её смерти.

ЛИЗА. (Отшатывается от него, тихо, с ужасом) Злодейство!

Германн. (Садится на раскрытую постель) Мои письма, мои требования, мои упорные преследования - всё это была не любовь.

Говорит он без интонаций. Лиза слушает, стоя перед ним.

Германн. Деньги - вот чего алкала душа моя! Не вам утолить мои желания и осчастливить меня! Бедная воспитанница, вы были не что иное, как слепая помощница убийцы старой своей благодетельницы.

Ноги у Лизы подкашиваются, она падает головой и грудью на постель возле Германна и рыдает. Германн молча и равнодушно глядит на неё. Лиза плачет очень искренне, возвышенно и красиво. Но Германна это явно нисколько не трогает.

Германн. (Лизе) Поздно раскаиваться! Довольно плакать!

Лиза умолкает, подымает голову и глядит в лицо Германну.

Германн. (Внезапно в отчаянье обхватывает свою голову руками и в страшном страданье всё повторяет) Какой ужас! Какой ужас!! Какой ужас!!!

Лиза в сострадании берёт его за руки.

Германн. (Лизе с отчаяньем) Какой ужас... Невозвратно потеряна... тайна, от которой ожидал я обогащения!

ЛИЗА. (Встаёт и с достоинством выпрямляется, Германну спокойно) Вы - чудовище!

Германн. (Возражает ей) Я не хотел её смерти. Пистолет мой был не заряжен.

Оба замолчали.

Часы бьют четырежды.

С четвёртым ударом Сен-Жермен опускается на колени перед мёртвой Графиней.

СЕН-ЖЕРМЕН. (Целует её руки) Je vous aime, je vous adore. Que Vous êtes belle, que vous êtes jolie...Ma bienaimée!

Часы бьют пять раз. С пятым ударом Сен-Жермен берёт на руки мёртвую старуху и уносит её через зеркало, через коридор небытия.

Светает. Лиза возле своего стола перебирает розы. Германн стоит в позе Наполеона.

ЛИЗА. (Про цветы, машинально) Розы увяли... (Оглядывается на Германна) Как вам выйти из дому? (Помолчав) Я могла бы провести вас по потаённой лестнице, но... идти мимо... бабушки... а я боюсь...

Германн. (Без выражения) Расскажите мне, как найти эту потаённую лестницу. Я выйду.

Лиза шепчет, глядя в его лицо, потом достаёт из комода большой ключ и подаёт ему.

Германн берёт ключ, смотрит на Лицу, склоняется к ней и целует её в голову.

Часы бьют шесть раз. С шестым ударом Германн выходит на витую лестницу. Метель всё бушует.

Германн. (Останавливается на лестнице и осматривается) Итак, старуха обрела покой.

Должно быть, так и сидит, окаменев. Ужасно! (Молчит и оглядывается вокруг) По этой самой лестнице, может быть, лет шестьдесят назад, из этой самой спальни, в такой же час, в парике и шитом кафтане, прижимая к сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливчик, давно уже истлевший в могиле, а сердце престарелой его любовницы сегодня перестало биться.

Герман входит в будуар и старается миновать кресло, не глядя на него, но это выше его сил, он всё же оглядывается и видит, что кресло пусто. Германн замирает и долго глядит на кресло. Слышится шарканье шагов. Герман оглядывается на звук и быстро прячется за ширму. Шаги смолкают. Никого. Германн выглядывает, прислушивается, выходит... Входит Графиня в том же виде, как он её оставил, садится в кресло в ту же позу, в которой умерла...

ГЕРМАНН (Замирает перед покойницей) Почудилось...

ГРАФИНЯ. (Подымает голову, глядит на него и смеётся) Я вспомнила, кто ты...

Германн опрометью бросается прочь, но на пороге путь ему преграждает юная живая Графиня всё в том же парике в свежих розах и гранатовом платье.

Старая Графиня покидает кресло и удаляется.

ГЕРМАНН. (Глядит на молодую Графиню) Я узнал вас! (Оглядывается на кресло, в нём пусто)

ГРАФИНЯ. Я пришла к тебе против своей воли. Но мне велено исполнить твою просьбу.

Тройка, семёрка и туз выиграют тебе сряду, но с тем, чтобы ты во всю свою жизнь, уже больше не играл. Прощаю тебе мою смерть, с тем, чтобы ты женился на моей воспитаннице Лизавете Ивановне. (Поворачивается и уходит в свой портрет.)

ГЕРМАНН. Тройка, семёрка, туз... тройка, семёрка, туз... тройка, семёрка, туз... (Подходит к зеркалу, а из зеркала глядит на него умершая старуха.)

ГЕРМАНН. (Ей в лицо) Я воспользуюсь тайной, которая так дорого мне стоила! (Опускает голову, но слышит странный смех и снова глядит в зеркало.)

Теперь в зеркале смеётся Дама пик.

Занавес опускается.

Трое слуг выносят карточный стол. Раскладывают мелки и колоды карт. Посреди стола ставят трёхсвечник. Слуги удаляются. Некоторое время пусто. Выходят Белкин и Пушкин.

БЕЛКИН. (Продолжая говорить)... Чекалинский весь свой век провёл за картами. Нынче он в Петербурге. И все забыли балы для карт...

Выходит Томский под руку с Полиной. Полина смеётся и обмахивается веером. 1-ый Слуга тут же подносит им на подносе розетки с мороженым.

ПУШКИН. Поль и Полина... (мимолётно насмешливо) Полина и Поль... (Отходят с Белкиным в сторону.)

Полина берёт мороженое и ест. С другой стороны появляются Нарумов под руку с Лизаветой Ивановной. Оба мужчины в мундирах.

ПОЛИНА. (Лизавете Ивановне) Bonjour!

ЛИЗА. (Полине) Bonjour!

НАРУМОВ. (Томскому) Ты произведён в ротмистры! Поздравляю!

ТОМСКИЙ. Ты собирался навестить бедного Германна? Как он?

НАРУМОВ. Весь год, как раз после смерти твоей бабушки, был очень плох, опасались за его рассудок, но вот уж с полгода, как совсем оправился.

ПОЛИНА. (Лизе) Я слышала, вы взяли себе воспитанницу?

ЛИЗА. Да, дальняя родственница моего мужа.

НАРУМОВ. Лиза пожелала, чтоб её взяли из деревни и чтоб она жила с нами.

ТОМСКИЙ. А вот и сам Чекалинский!

Все расступаются по сторонам, и к столу проходит Чекалинский. Ему лет шестьдесят, наружность почтенная, голова седая, глаза оживлены. Он всегда улыбается, очень воспитан, добродушен и приветлив. Останавливается подле стола.

Появляются 1-ый, 2-ой и 3-ий гости.

Томский, Нарумов, 2-ой Гость и 3-ий Гость встают к столу, чтоб играть против Чекалинского.

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Берёт в руки колоду и распечатывает) Ну, что ж, господа, начинаем

метать банк?

Входит Германн в офицерском мундире с фуражкой в руке. Всё внимание на него.

НАРУМОВ. (Чекалинскому и Германну) Разрешите вас представить друг другу?

(Германну) Вы уж догадались, Германн, что это наш славный Чекалинский.

(Чекалинскому) Германн. Военный инженер. Недавно вышел в отставку. По болезни. Теперь выздоровел.

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Дружески пожимает Германну руку.) Предлагаю без церемоний! Прошу не церемониться!

ГЕРМАНН. (Протягивая 2-му Слуге свою фуражку) Позвольте поставить карту?

Чекалинский молча кланяется ему в знак покорного согласия.

ЧЕКАЛИНСКИЙ. Хотите понтировать против меня?

ГЕРМАНН. Я предпочитаю фараон.

Чекалинский снова кланяется ему.

НАРУМОВ. (Обнимает Германна и смеётся) Поздравляю с разрешением долговременного поста!

ТОМСКИЙ. Желаю тебе счастливого начала!

ГЕРМАНН. (Вежливо отстраняет и Нарумова и Томского) Позвольте поставить карту?

(Берёт колоду и выбирает карту)

Чекалинский тасует свою колоду.

Германн вытаскивает из колоды карту и кладёт на стол лицом вниз, берёт мел и пишет на сукне куш.

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Смотрит) Сколько-с? (Наклоняется к столу) Извините-с, я не разгляжу.

ГЕРМАНН. (Громко) Сорок семь тысяч!

2-ой ГОСТЬ. (Вполголоса) Разбогател немчура!

1-ый ГОСТЬ. Нет, просто на весь свой капиталец поставил сразу.

3-ий ГОСТЬ хохочет. Томский раскуривает трубку.

НАРУМОВ. (Томскому) Он с ума сошёл!

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Приветливо Германну) Позвольте заметить вам, что игра ваша сильна; никто более здесь ещё не ставил.

ГЕРМАНН. Что ж, бьёте вы мою карту или нет?

Чекалинский начинает метать. Карту направо...

2-ой ГОСТЬ. (Стоит рядом и смотрит) Направо - девятка.

Чекалинский продолжает. Карту - налево.

3-ий ГОСТЬ. (Тоже следит) Тройка.

ГЕРМАНН. (Открывает свою карту и всем показывает) Выиграла!

1-ый ГОСТЬ. Тройка!

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Германну) Извольте получить?

ГЕРМАНН. (Равнодушно) Позже! (Пишет мелком)

ЧЕКАЛИНСКИЙ. Вы ставите снова на все свои сорок семь тысяч и на сегодняшний выигрыш?

Вместо ответа, Германн выбирает и кладёт карту.

Чекалинский начинает метать.

НАРУМОВ. (Комментирует) Направо - валет.

ТОМСКИЙ. Налево - семёрка.

ГЕРМАНН. (Показывает всем семёрку) Выиграла!

Лиза вскрикивает.

Чекалинский, уже не улыбаясь, отсчитывает девяносто четыре тысячи и передаёт Германну. Германн оставляет их лежать на столе.

ГЕРМАНН. Я готов снова понтировать.

Чекалинский распечатывает колоду карт.

ГЕРМАНН. (Громко) Сто восемьдесят восемь тысяч!

1-ый ГОСТЬ. Такой необыкновенной игры я ещё никогда не видел!

ПОЛИНА. Это всё похоже на поединок!

БЕЛКИН. На поединок с судьбой? Чем же он кончит? Неужели сряду угадает три карты?

ПУШКИН. А вы уже не помните, как угадали сами сряду три карты?

1-ый ГОСТЬ Он и четвертую тогда угадал! Прекрасно помню!

ПУШКИН. А какая была четвертая?

3-ий ГОСТЬ. (Встревает во весь голос) Дама пик!

Германн вздрагивает, оглядывается и выкладывает карту.

Чекалинский тасует колоду.

Часы бьют шесть раз.

С последним ударом среди гостей появляются Сен-Жермен в своём наряде и Графиня в гранатовом платье и парике с розами. Никто из гостей не обращает на них внимания. Все смотрят только на Германна. Германн видит Графиню и не узнаёт её. Она стара, но держится легко и прямо, и улыбается. Она глядит на Германна и отрицательно качает головой, словно желая его предостеречь от чего-то.

Чекалинский начинает метать, и Германн тотчас же всё забывает про Графиню и следит за картами.

Сен-Жермен и Графиня неприметно удаляются.

1-й ГОСТЬ. (2-ому Гостю про Германна) Чем он кончит?

2-ой Гость. (Мрачно) Обуховской больницей! Сойдёт с ума! Немчуря сойдёт с ума и, если проиграет, и, если выиграет.

Чекалинский кладёт карту направо.

БЕЛКИН. Направо - Дама пик! Как странно!

Чекалинский кладёт карту налево.

ПУШКИН. Налево - Туз.

ГЕРМАНН. (Открывает свою карту и высоко подымает, показывает всем) Туз выиграл!!!

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Смотрит на карту, ласково Германну) Ваша дама убита.

Германн вздрагивает и смотрит на свою карту.

ГЕРМАНН. Вместо туза - пиковая дама?! (Растерянно оглядывается по сторонам) Я не понимаю, как я мог так обдёрнуться? (Бросает карту и бежит, расталкивая гостей, словно ищет кого-то) Старуха!

ЧЕКАЛИНСКИЙ. (Спокойно забирает деньги) Славно спонтировал.

ГЕРМАНН. (В ужасе) Старуха!!!

Лиза падает в обморок. Нарумов едва успевает подхватить её.

Германн, ни обращая ни на кого внимания, бежит от них, повторяя необыкновенно скоро: «Тройка, семёрка, туз... тройка, семёрка, туз...»

ПУШКИН. И пожалуй верно... Сейчас беднягу отвезут в Обуховскую больницу, а игра пойдёт своим чередом.

Занавес падает.

С противоположных концов авансцены выходят Сен-Жермен и Графиня.

Звучит менюэт. Сен-Жермен приглашает Графиню. Они танцуют.

Атмосфера финальной сцены должна быть заурядной. Во всём обществе лучше, если будет более провинциального, нежели Петербургского. Никакого единого цветового стиля.

Сумасшествие Германна конкретно, реально, причины болезни ясны. Нельзя далеко уклоняться от идеи Пушкина, что главный герой здесь не Германн, а Графиня, Дама пик, судьба. И значительна, и inferнальна в последней сцене только одна Графиня. Следует избежать соблазна идеализировать Графиню в связи с тем, что велика её роль в судьбах.

Роль-то её велика, но сама-то она и не умна, и эгоистична, и мелочна... В этом-то, кажущемся противоречии и есть загадка, верно почувствованная гением Пушкина.

Дополнение: перевод французского текста.

Даю перевод, следуя очередности абзацев или реплик.

1. Графиня. Я приказываю вам заплатить... Я не желаю говорить с вами...Я не желаю ничего объяснять... Я презираю вас! Как смеете вы бунтовать?
2. Графиня. Ничтожество! Вы толкаете меня на крайние меры! И я прибегну к крайним мерам!
3. Герцог. Какая сумма? Не разгляжу.
4. Герцог. Вы не ошибаетесь* Никто выше здесь никогда не ставил.
5. Графиня. Стоп! Выиграла!
6. Графиня. Стоп!
7. Герцог. Убита! С первой же карты!
8. Графиня. Стоп! Снова - соник!
9. Графиня. Кто вы?

КОНЕЦ